

ЗАГАДКА СМЕРТИ ПРОФЕССОРА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО

А. А. МЕРЕЖКО*

Статья посвящена анализу причин самоубийства Л. И. Петражицкого. Рассматриваются такие версии, как: творческий кризис последних лет жизни профессора Петражицкого; кампания травли, направленная против великого ученого, со стороны националистических кругов Польши; ощущение отчаяния и бессилия перед лицом приближающихся катастроф XX века. Объяснение причин смерти Петражицкого строится на основе анализа воспоминаний его ближайших учеников (Георгия Гинса и Питирима Сорокина), а также работ польских авторов. По мнению автора, смерть Петражицкого продемонстрировала хрупкость такого уникального социально-исторического и культурного феномена, каковым была русская интеллигенция. Символизм его смерти заключается не только в крахе этического мировоззрения русской интеллигенции перед лицом антропологической катастрофы Первой мировой войны и русской революции 1917 г., но также в выражении отчаяния и своеобразного протеста перед лицом неумолимо надвигающейся катастрофы Второй мировой войны. Вместе с тем причина смерти Петражицкого была связана с крахом его личного этического и научного мировоззрения, которое представляло собой определенную целостность, включавшую в себя такие элементы, как научная смелость и добросовестность, интеллектуальная честность, душевная отзывчивость по отношению к страданиям угнетенных, толерантность, демократизм и скромность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. И. Петражицкий, Г. К. Гинс, психологическая теория права, русская интеллигенция, история политических и правовых учений, философия права.

MEREZHKO A. A. THE MYSTERY OF PROFESSOR L. I. PETRAŻYCKI'S DEATH

The article is devoted to the analysis of the reasons for L. I. Petrażycki's suicide. The following explanations of this suicide are considered: the crisis of Petrażycki's creativity during the last years of his life; the persecution campaign against the great scholar launched by the nationalistic Polish circles; the feeling of despair and helplessness in the face of the coming catastrophes of the XXth century. The explanation of the reasons for Petrażycki's death is based on the analysis of the memoirs of his closest disciples and friends (George Guins and Pitirim Sorokin), as well as on the writings of the contemporary Polish authors. In the author's opinion, Petrażycki's death demonstrated the fragility of such a unique socio-historical and cultural phenomenon as Russian intelligentsia. The symbolism of Petrażycki's death is related not only to the collapse of the ethical outlook of Russian intelligentsia in

* Мережко Александр Александрович — доктор юридических наук, профессор, Краковская Академия имени Анджея Фрыча Моджевского.

Merezhko Aleksandr Aleksandrovich — doctor of legal sciences, professor, Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University.

© А. А. Мережко, 2013

E-mail: amerezhko@yahoo.com

the face of an anthropological catastrophe of the First World War and the Russian Revolution of 1917, but also to the expression of particular protest in the face of an inevitable catastrophe of the Second World War. At the same time the reason for Petrażycki's death was related to the collapse of his personal ethic and scientific outlook which was a sort of integrity and included such elements as scientific courage, intellectual honesty, sensitivity and empathy to the sufferings of the oppressed, tolerance, democracy and humbleness.

KEYWORDS: L. I. Petrażycki, G. C. Guins, psychological theory of law, Russian intelligentsia, history of political and legal doctrines, philosophy of law.

Профессора Л. И. Петражицкого, создавшего психологическую школу права, можно отнести к числу наиболее прозорливых и гениальных мыслителей, в чьих трагических судьбах отразилась грандиозная драма XX века. Петражицкий прожил событийно и творчески богатую жизнь, однако ее финал был так же поистине трагичен, как была трагична судьба русской интеллигенции, типичным представителем которой он являлся.

Историю жизни и творчества Петражицкого нельзя понять в полной мере, не поняв причины, которые побудили его к тому, чтобы самостоятельно поставить точку в своем существовании.

По всей видимости, Петражицкий давно задумал добровольный уход из жизни и осуществил его в пятницу 15 мая 1931 г.

Первым человеком, увидевшим тело скончившего с собой Петражицкого, стала профессор Мария Гжегожевска (*Maria Grzegorzowska*), бывшая близким другом семьи Петражицкого и имевшая даже свой ключ к их квартире.¹ Согласно ее свидетельству, изложенному в разговоре с профессором Адамом Подгурецким (*Adam Podgorecki*), в день самоубийства Петражицкий послал жену забрать свои часы, находившиеся на ремонте у часовых дел мастера. Ранее, под предлогом подготовки к охоте, Петражицкий взял на время у своего племянника полковника Тадеуша Петражицкого (*Tadeusz Petrażycki*) револьвер, который и стал орудием самоубийства.

Жена Петражицкого Мария вернулась домой, когда там уже была Мария Гжегожевска, и увидела еще не остывшее тело своего мужа, сжимавшего в руке револьвер. По мнению Марии Петражицкой, ее муж планировал свой уход из жизни достаточно давно, все чаще повторяя такие слова, как «машина плохо идет» либо «машинка перестала работать».

Вместе с тем смысл смерти Петражицкого по-прежнему остается неразгаданной загадкой, по поводу чего среди лиц, близко знавших великого ученого, а также среди исследователей его жизни и творчества выдвигались различные версии и предположения.

Среди всех этих гипотез и версий мы можем выделить несколько основных.

1) Главной причиной самоубийства Петражицкого стал творческий кризис последних лет его жизни.

2) Совершить самоубийство ученого побудила кампания травли, которая развернулась против него в Польше в связи с приходом к власти националистических и антидемократических сил в межвоенный период.

¹ См.: *Kojder A. Godnosc i sila prawa. Szkice socjologicz no prawne. Warszawa, 2001. S. 101.*

3) Самоубийство Петражицкого явилось выражением отчаяния и бес-силія перед лицом катастроф XX века, его бесчеловечности.

В то же время не исключено, что все эти предположения являются в той или иной степени верными, а причины, приведшие Петражицкого к гибели, связаны друг с другом.

К первой версии основной причины самоубийства Петражицкого склоняется польский социолог права Анджей Койдер (*Andrzej Kojder*), по мнению которого, повторяемые Петражицким слова «машинка перестала работать» можно понимать как то, что к концу жизни ученого ему стало не хватать новых научных идей и что его интеллектуально-творческие способности исчерпали себя.² Одним словом, считает профессор Койдер, Петражицкий предпочел умереть, нежели жить без творчества.

Надо признать, что данная версия имеет под собой серьезные основания. Вместе с тем причины депрессивного состояния, в котором находился Петражицкий, могли быть связаны с той общей гнетущей атмосферой, в которой находилась межвоенная Польша и весь мир и в которой Петражицкий мог утратить интерес и способность к творческой работе.

Право на существование имеет также и вторая версия, объясняющая причины самоубийства Петражицкого, суть которой заключается в том, что великого ученого не только не оценили должным образом на его родине, но даже подвергли настоящей травле.

Так, например, ученик Петражицкого Георгий Гинс, посетивший своего учителя в Варшаве, описывал ситуацию, в которой оказался Петражицкий в Польше, следующим образом.³ Покидая Россию, ученый оставил свои рукописи в Петроградском университете и когда попросил Советское правительство их вернуть, ему было отказано. При этом Петражицкий уже не был в состоянии воспроизвести свои труды. Родина Петражицкого, Польша, встретила его весьма холодно, поскольку польское общество увидело в нем русофила. Ученый с европейским именем даже не мог читать лекции в Варшавском университете, хотя ему и была предоставлена квартира в одном из университетских зданий. Профессор вел лишь семинар, который состоял в том, что к нему на квартиру приходила группа студентов.

Вместе с тем Гинс отмечал, что после восстановления государственности Польши отношения между русскими и поляками стали вполне нормальными; никто не отказывался отвечать, когда Гинс обращался на улице на русском языке за помощью.

Надо сказать, что Петражицкий, несмотря на свою принадлежность к благородному польскому роду, отнюдь не являлся польским националистом или шовинистом. Скорее наоборот, Петражицкий был типичным интеллигентом начала XX в., воспитанным в лучших традициях русской культуры с ее стремлением к защите всех «униженных и оскорбленных», какова бы ни была их национальность. Более органичной для Петражицкого была среда русской интеллигенции, с которой он разделил не только ее прекраснодушные либерально-демократические иллюзии, но и трагическую судьбу.

В самой Польше Петражицкий так и не стал до конца «своим». Если русская интеллигенция, искренне сочувствуя польскому освободительному движению, рассматривала Петражицкого в качестве своего полноправного

² Ibid.

³ См.: G. C. Guins. An Interview Conducted by Boris Raymond. — University of California, The Bancroft Library/Berkley Regional Oral History Office. Berkley, 1966. P. 293–294.

члена, то польское академическое сообщество отнеслось к нему с недоверием, а порой даже с завистью и откровенным недоброжелательством.

Живя в Петербурге, Петражицкий стремился подчеркнуть свою «польскость», поскольку в имперской России поляки находились под гнетом царской власти, а их национальные права ущемлялись. В доме Петражицкого звучала польская речь и польская музыка, а в 1915 г. он даже возглавил Общество польских экономистов и правоведов.

В Польше Петражицкий, наоборот, был склонен к подчеркиванию своей принадлежности к русской культуре, говорил на польском языке с некоторым русским акцентом и поддерживал, насколько мог, русских эмигрантов. Он тяжело переживал «русскую катастрофу», и его возмущало несправедливое отношение к России со стороны «глупого и злого человечества», как он сам писал незадолго до смерти своему однокурснику по Киевскому университету известному адвокату О. О. Грузенбергу.

Польское общество не оценило по достоинству Петражицкого, который, уезжая из России, вполне мог выбрать Оксфордский или Гейдельбергский университет, однако, движимый патриотическим чувством, выбрал Варшавский университет, а в 1921 г. принял польское гражданство.

Впрочем, еще до революции некоторые польские интеллектуалы не скрывали своего негативного отношения к Петражицкому, подозревая его в недостаточном патриотизме. Так, еще в 1906 г. некий польский публицист В. Студницкий писал: «Профессор Петражицкий считает себя поляком, он, уроженец окраин, воспитанник российских и немецких университетов, затем житель Петербурга, вовлеченный в научную, законодательную и политическую жизнь России; к Польше невольно и неосознанно относится как доброжелательный иностранец. Он не знает Польши, ее ресурсов и сил, не сумел встать на позиции ее государственных интересов».⁴

С приходом к власти Юзефа Пилсудского Петражицкого фактически отстраняют от преподавания. Его душит затхлая шовинистская атмосфера межвоенной Польши, которую его ученик Николай Тимашев отнес к ряду фашистских государств. Он заболевает, переживает апатию и живет в бедности.

Одним из гонителей Петражицкого был польский юрист Чеслав Знамеровский (*Czesław Znamierowski*), близкий к националистическим кругам в Польше (так называемой эндеции, т. е. национал-демократам, а по сути фашистам), который во времена Польской Народной Республики сделал довольно успешную карьеру. Этот типичный конформист, не внесший сколько-нибудь существенного вклада в мировую науку, тем не менее даже в наше время ценится в Польше выше, нежели гениальный Петражицкий. Так, например, господин Адам Лопатка (*Adam Lopatka*) в своем предисловии к книге Знамеровского «Школа права. Размышления о государстве» заявил, что Знамеровский имеет над Петражицким то преимущество, что он «творил в Польше и для Польши».⁵ В каком-то смысле в этом утверждении можно найти зерно истины, поскольку Петражицкий действительно не был ограничен в своем творчестве узкими национальными рамками, а творил в России и Европе для всего мира.

Чеслав Знамеровский еще в 1922 г. защитил докторскую диссертацию под названием «Психологическая теория права. Критический анализ»,

⁴ Цит. по: Соловьев К. Лев Иосифович Петражицкий: «Я юрист не только по званию, но и по убеждению...» // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 689.

⁵ *Znamierowski C. Szkoła prawa. Rozważania o państwie.* Warszawa, 1988. S. 7–8.

в которой благодаря своему знанию русского и немецкого языков собрал все критические замечания, подчас весьма карикатурные и несправедливые, выдвигавшиеся против учения Петражицкого. Знамеровский обеспечил, так сказать, теоретическую базу гонителям и завистникам Петражицкого.

Вот как объясняет причины критики теории Петражицкого со стороны Знамеровского современный польский автор Кшиштоф Польш (Krzysztof Pól): «Однако ситуация относительно конструктивности критики Знамеровского несколько усложняется с учетом того, что по приезду в 1919 г. профессора Льва Петражицкого в Польшу и по выражению им в многочисленных выступлениях либерально-рационалистических убеждений после некоторого “привыкания” к присутствию в стране выдающегося ученого наступила острая реакция, попросту “травля”, со стороны политических кругов, в особенности кругов национал-демократов, с которыми был связан Чеслав Знамеровский. Национал-демократическая пресса (“Варшавская газета”, “Национальная мысль”) перьями публицистов В. Рабского и З. Василевского быстро провозгласила Петражицкого “недостаточно хорошим поляком”, уничтожая при этом его научную и гражданскую ценность. В результате этого не знакомый хорошо с тогдашними польскими реалиями ученый, сталкиваясь с различными непонятными для него обвинениями и преследованиями, начал изолироваться».⁶

Таким образом, травля против Петражицкого, развернутая в националистических кругах Польши, действительно могла стать одной из причин депрессии и гибели великого ученого; однако были и другие, более масштабные, причины.

К той версии, что причиной смерти Петражицкого могла стать не только его травля со стороны польских шовинистов, но и общая атмосфера накануне катастрофы Второй мировой войны, склоняется его ученик Питирим Сорокин, который пишет о своем учителе так: «Как известному ученому, ему (т. е. Петражицкому. — А. М.) предложили профессорство в Варшавском университете, однако по ряду причин он не был там счастлив, и чрезвычайно националистические круги только что родившейся независимой Польши не ценили его так же высоко, как в России. Угнетаемый эпохой войн и революций, уничтожением всего хорошего и проявлением всего низменного и жестокого в человеческих душах, он в конце концов покончил с собой, вскрыв вены».⁷

К этой точке зрения близок и Георгий Гинс, писавший о Петражицком в 1931 г. следующее: «Его научные интересы привели его к убеждению в существовании прогресса и приближения к идеалу любви. И вот разразилась жестокая война, за которой последовали революции и гражданские войны, упадок культуры, понижение этического уровня, торжество силы. Эти события действовали угнетающе на мыслителя-идеалиста, который, зная подлинную реальную психологию людей, не мог не понимать, что прогресс надолго приостановлен. Пробудившийся зверь восстал против культуры, эмоции зла победили, процесс приспособления пошел в обратную сторону, в сторону упадка и морального регресса. Предвидя дальнейшее и длительное падение культуры, Петражицкий не в силах был говорить об идеалах, о любви, о прогрессе: он сознавал, что в период его жизни этим идеалам уже не будет места»⁸.

⁶ Цит. по: *Orczykowski K. Szkoła psychologiczna w prawie*. Torun, 2007. S. 150.

⁷ *Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография*. М., 1992. С. 75.

⁸ *Гинс Г. К. Л. И. Петражицкий: характеристика научного творчества (1867–1931)*. Харбин, 1931. С. XXIX.

Вот как Гинс описывает творческий кризис Петражицкого, который начался после февральской революции и его переезда в Польшу: «Когда разразилась революция, Петражицкий покинул Петроград и оставил там несколько пудов рукописей. Ему долго их не возвращали (они хранились в библиотеке). Наступил перерыв в работе. К тому же мрачные предчувствия тяжело повлияли на работоспособность физически слабого и, несомненно, переутомленного непомерным трудом ученого. Ученики растерялись. Многие стали заниматься специальными вопросами и отвлеклись в сторону. Л. И. Петражицкий оторвался от атмосферы, в которой его понимали и чтити. В родной стране, Польше, где он принят был в состав профессуры Варшавского университета, он был как бы иммигрантом. У него не было ни одного труда на польском языке; все прошлое его было тесно связано с Россией: видный деятель русской политической партии и член первой Государственной Думы, он должен был чувствовать себя в родной стороне несколько чужим. В то же время как патриот-славянин он не желал, хотя и мог, устраиваться в другом государстве. Драму Л. И. Петражицкого как ученого создали перерыв в научной работе, непонимание его учений, отсутствие атмосферы сочувствия, в которой нуждается творческая мысль, но самое главное — те общие, не зависевшие от местожительства, условия, в которых тонкий психолог, доказывавший этический прогресс и обосновывавший приемы социальной педагогики и политики права, должен был чувствовать практическую бесцельность своей работы на много десятилетий. Он потерял творческий подъем. Пламень, который так ярко горел, стал потухать, раздуть его вновь уже не хватило сил».⁹

Для того чтобы понять настроение, в котором находился Петражицкий в последние годы своей жизни, Гинс приводит следующий случай из его жизни. В 1917 г., т. е. вскоре после февральской революции, Петражицкий был назначен сенатором. Когда ему было предложен ряд дел, связанных с выполнением его служебных обязанностей, Петражицкий вежливо отклонил их, сославшись при этом на то странное обстоятельство, что у него, дескать, возникли домашние проблемы, которые не дают ему возможности работать. Такой отказ вызвал недоумение среди коллег Петражицкого и слухи, что он переживает тяжелый душевный надлом в связи с ходом послереволюционных событий в России. Обеспокоенный этими слухами, Георгий Гинс поспешил навестить своего учителя. Приехав к нему на квартиру, Гинс не заметил внешних перемен или признаков психического расстройства у Петражицкого. Весьма осторожно Гинс поинтересовался сенаторской работой Петражицкого, на что профессор ответил так: «Я ничего там не делаю. К чему работать, все равно все пропало. Сейчас я озабочен спасением рукописей и подготовкой отъезда, — квартиру я передал».¹⁰

Относительно судьбы России и революции Петражицкий, по словам Гинса, категорически заявил: «Все поггло, спасения нет. Впрочем, если вы видите спасение, то подумайте и скажите, пока я схожу за папиросою».¹¹ Смысл пророческих слов Петражицкого стал ясен Гинсу весьма скоро: через месяц после этого разговора сенат был упразднен. Вполне очевидно, что гений ученого, его интуиция и острый аналитический ум позволяли Петражицкому предвидеть ход исторических событий, за которыми стояла

⁹ Там же. С. XXXI.

¹⁰ Там же. С. XXXII.

¹¹ Там же.

психология масс. Так было после русской революции 1917 г., и так было накануне Второй мировой войны.

Вот как описывал Гинс свою последнюю встречу с Петражицким за несколько лет до трагического финала жизни великого ученого: «Через двенадцать лет, в 1929 г. я сидел у Льва Иосифовича в Варшаве. Передо мною был все тот же пронзительный умный собеседник. Но он сильно постарел. Лоб изборожден был морщинами, лицо вспухло. От научных тем он быстро переходил к политике, оживлялся и развивал безнадежно пессимистические взгляды».¹²

Можно сказать, что смерть Петражицкого продемонстрировала хрупкость такого уникального социально-исторического и культурного феномена, каковым была русская интеллигенция. Символизм его смерти заключается не только в крахе этического мировоззрения русской интеллигенции перед лицом антропологической катастрофы Первой мировой войны и русской революции 1917 г., но также в выражении отчаяния и своеобразного протеста перед лицом неумолимо надвигающейся катастрофы Второй мировой войны.

Вместе с тем причина смерти Петражицкого была связана с крахом его личного этического и научного мировоззрения, которое представляло собой определенную целостность, включавшую в себя такие элементы, как научная смелость и добросовестность, интеллектуальная честность, душевная отзывчивость по отношению к страданиям угнетенных, толерантность, демократизм и скромность. В основе теоретической философии Петражицкого, по мнению Гинса, лежало учение о том, что является присутствием всему реальному, а руководящим началом его практической философии являлся идеал любви.¹³

Смерть Петражицкого имела и таинственную, мистическую сторону. Так, незадолго до своей гибели Петражицкий обратился к известному в то время в Польше ясновидящему Стефану Оссовецкому (*Stefan Ossowiecki*) с просьбой о проведении эксперимента, результаты которого не только до глубины души потрясли скептически настроенного ко всякой мистике ученого-позитивиста, но даже стали для него, как выразился сам Петражицкий, «чем-то катастрофическим».¹⁴

Сам эксперимент заключался в том, что Оссовецкий должен был определить, что изображено на рисунке, запечатанном в конверте. Петражицкий принес с собой рисунок, на котором было также написано какое-то слово, и запечатал этот рисунок в конверт в присутствии Оссовецкого. Причем Петражицкий не дал конверт с рисунком в руки Оссовецкому, а держал его в своих руках во время проведения эксперимента. Поэтому Оссовецкий мог держать конверт лишь вместе с Петражицким. При этом Петражицкий попытался запутать Оссовецкого во время эксперимента, спросив, можно ли было изобразить на рисунке некие предметы, находившиеся в комнате. На что Оссовецкий ответил ему, что то, что изображено на рисунке, находится за пределами дома и похоже на дерево, скорее всего березу. Причем на самом рисунке есть надпись «береза». Когда открыли конверт, то все оказалось в точности так, как предполагал Оссовецкий.

Кстати говоря, уже сам выбор Петражицким в качестве рисунка изображения березы довольно символичен, ибо выражает тоску ученого по России, чьим символом, как известно, является береза.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. XXXII–XXXIII.

¹⁴ *Ossowiecki S. Swiat mego ducha i wizje przyszlosci. Lodz, 1991. S. 76.*

Будучи под большим впечатлением от результатов эксперимента, Петражицкий спросил Оссовецкого, как у него получается видеть такие вещи. В ответ Оссовецкий объяснил, что во время подобных экспериментов он мысленно соединяется с сознанием Единого Духа. На это Петражицкий сказал, что, по его мнению, это больше похоже на телепатию.

Через год после этого эксперимента Петражицкий снова посетил Оссовецкого, который обратил внимание на то, что ученый пребывал в состоянии тяжелой депрессии. Петражицкий рассказал Оссовецкому, что очень устал от жизни, а также о том, что те таинственные явления, которые он наблюдал во время эксперимента и которые не может понять, мучают его, поскольку противоречат его убеждениям и никак не согласуются с ними.¹⁵

По существу, Петражицкий пережил крах своего научного рационалистического и позитивистского мировоззрения, что, вероятно, как раз и стало той последней каплей, которая переполнила чашу его терпения. Если бы Петражицкий был верующим христианином, то, вполне возможно, он не решился бы на такой отчаянный выход из своего жизненного кризиса, однако он был искренним материалистом, столкнувшимся с областью таинственного и невидимого, что не могло не поколебать сам фундамент его научного и жизненного мировоззрения.

Как бы то ни было, трагическая смерть такого выдающегося человека, как Л. И. Петражицкий, явилась, по выражению Питирима Сорокина, огромной потерей для всего человечества, став «первым звеном в длинной цепи других смертей целого легиона творческих личностей, уничтоженных гигантскими войнами и революциями нашего самого кровавого и бесчеловечного двадцатого столетия»¹⁶.

Тем не менее психологическое учение о праве значительно опередившего свое время Петражицкого по-прежнему представляет собой источник творческого вдохновения для тех, кто пытается постичь суть права в качестве феномена человеческого сознания.

¹⁵ Ibid. S. 77.

¹⁶ Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. С. 75.